

зайственной деятельности дяди Вани, является их приживалом. Осознав и это, и то, что все работы Серебрякова, которыми он восхищался всю жизнь, ничего не стоят, дядя Ваня гневно восклицает, обращаясь к Серебрякову: «Ты морочил нас!».¹⁵

Так в пьесе Чехова социально-историческая проблематика судеб великих идей и их носителей и проблема психологии самозванца, мнимого пророка, утверждающего свою власть, свой авторитет в искусственно созданной им обстановке умственного тумана сливаются воедино, и «рудинская» тема вплотную сближается с темой «Села Степанчиково».

В отличие от Ростанева, Войницкий способен прозреть, объективно оценить поступки семейного тирана и понять бесплодность всей деятельности мнимого пророка. Но его отчаянный протест против духовной тирании оказывается столь же безрезультатным, как стихийный «бунт» Ростанева против Фомы Опискина. Серебряков проявляет «великодушие», и Войницкий примиряется с ним, как Ростанев с Фомой Фомичом. Этот финал пьесы Чехова Горький имел в виду, когда писал автору «Дядя Вани»: «Слушая Вашу пьесу, думал я о жизни, принесенной в жертву идолу. . .».¹⁶

Т. И. ОРНАТСКАЯ

ЗАБЫТЫЙ ОТЗЫВ О «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»

Как известно, Достоевский болезненно относился к односторонне-практической оценке его книги (4, 294—295). Но из этого ряда явно выпадает отзыв П. В. Анненкова, вряд ли оставшийся не замеченным Достоевским. В статье «Современная беллетристика»,¹ посвященной творчеству Н. Г. Помяловского, критик писал: «Мы назвали г-на Помяловского — автором своих воспоминаний или своих представлений бурсацкой жизни, потому что рассказы его принадлежат к тому смешанному роду произведений, которые могут быть приняты за правдивые записки очевидца, а вместе с тем, благодаря замашкам художнического освещения лиц и искусственного расположения частей, и за свободное создание писателя. Превосходный образец такого рода произведений дан нам в „Записках из Мертвого дома“ г-на Ф. Достоевского, этом романе, прикасающемся одной стороной к летописи, а другой к вымыслу. Нам кажется, хотя мы можем и ошибиться, что „Мертвый дом“ не остался без влияния на выбор предмета для рассказов г-на Помяловского. Самый род имеет важные неудобства: он более значителен, чем простой факт, и менее достоверен, чем факт. Он не чистая истина, необходимая

¹⁵ Там же, с. 102.

¹⁶ Горький М. Собр. соч. М., 1954, т. 28, с. 52.

¹ С.-Петербург. ведомости, 1863, 6 янв., № 5.

этнографу, статистику и администратору, да он и не свободное творчество, которым удовлетворяется фантазия читателя. Он в одно время правдив и обманчив для всех требований. Неудобства этого рода поправляются только глубочайшей опытностью в деле художнического производства, как мы именно видим у г-на Достоевского. „Мертвый дом“ его представляет редкое сочетание голой истины, ослабленной литературной передачей ее, и артистического создания, ограничиваемого грубым фактом и беспощадной действительностью. Это не простое описание тюрьмы, это также не воспроизведение тюрьмы свободною кистью, а скорее художнический и философский комментарий на нее. Благодаря этому качеству, мы видим, что светлый луч искусств и даже поэзии играет у г-на Достоевского на стенах ужасного дома и пробивается внутрь его, оставляя его по-прежнему домом печального назначения, не изменяя его безобразной наружности и не разукрашивая фальшивым освещением. Что сделалось у него с домом, то сделалось и с людьми. Они остались злодеями, каждый по-своему, но глубокий психический анализ уже объяснил и частью смягчил их преступления. Не то у г-на Помяловского...».

Г. В. СТЕПАНОВА

«СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ»

(Достоевский и Гоголь)

Исследованиями ученых-достоевистов установлено, что Достоевский в своем творчестве при создании характеров героев и различных, особенно острых и «фантастических», ситуаций обращался к произведениям Гоголя. Гоголевские герои присутствуют у него не только в художественных произведениях, но и в публицистике. Особенно часто использовал писатель «Ревизора» и «Мертвые души». Из героев «Мертвых душ» больше всего у него встречаются Чичиков, Ноздрев, Манилов, Коробочка, Собакевич. Особо важное место отводит Достоевский в своих творениях образу русской тройки.¹

Плюшкин появляется у Достоевского лишь однажды. Он назван в романе «Подросток» (1875). Рассказывая о двух нищих, у которых после смерти обнаружили большие суммы, Аркадий говорит: «...это были лишь Гарпагоны или Плюшкины в чистейшем их виде, не более...» (13, 67). Но Плюшкин не-

---

¹ Библиографию работ о Достоевском и Гоголе см.: Ф. М. Достоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965. М., 1968. Упоминания «Мертвых душ» в произведениях Достоевского см. по Указателям имен и произведений: 17, 465; 27, 434. См. также статью Г. М. Фридлендера «Достоевский и Гоголь» — наст. изд., с. 3—21.